

Страсти на театре

Актриса пришла к мысли, что остался последний шанс защитить свое детище — театральную студию

Вообще не по себе, когда рядом с тобой кто-то вдруг отчаивается на голодовку. Вдвойне сочувствуешь, если обстоятельства побуждают к этому женщину. И уж совсем переполняет негодование, когда знаешь: бунт — во имя защиты детских душ. Но Наталья Бондарчук решила: иного выхода нет. Только демонстративный протест.

Не хочу быть третейским судьей в споре между одержимой актрисой и театром, где Наталья Сергеевна состоит в труппе. У каждой стороны свои доводы.

У театра: а зачем нам, профессионалам, бок о бок жить с любительской детской студией, некогда созданной Н. Бондарчук? Ведь Московский театр киноактера — не Дворец пионеров и не Дом культуры. Тут профессиональное заведение.

В. ответ: вы не любите детей и не хотите искать в искусстве новизны. Детская непосредственность в союзе с опытом профессионалов — сколько здесь непознанного для самого театра!

И так далее: на каждый аргумент есть контраргумент. В конце концов понимаешь: сырбор — из-за сценической площадки. И коли так, выход напрашивается сам собой — не лишать ребят театральные радости, а профессиональных актеров — самостоятельной стационарной сцены. Полубовно развести тех и других и таким образом благо-разумно исчерпать разразившийся конфликт.

Кажется, уже забрезжили какие-то варианты взаимоприемлемой развязки. И, возможно, не стоило бы в подробностях предавать всесоюзной огласке эту историю, если бы не сам метод отстаивания своей точки зрения.

Уж слишком часто в последнее время мы встречаемся... как бы поточнее сказать... с экстремизмом поступка, что ли. Можно покинуть съезд, если голосование складывается не в твою пользу; пренебречь законом и заблокировать целую республику, если события, по твоему разумению, развиваются не так, как должны были бы развиваться... Чуть ли не нормой поведения становятся теперь нетерпимость,

ультимативность, угроза перейти черту. Вот и актриса в спорной ситуации не находит ничего лучшего, как публично жертвовать своим здоровьем.

Помнится, мировая «звезда» Джейн Фонда разбрасывала листовки, пикетировала офисы, протестуя против войны американцев во Вьетнаме. Известная греческая актриса Мелина Меркури предпочла вынужденную эмиграцию ненавистной власти «черных полковников» в своей стране. Да мало ли знает современное искусство случаев, когда художник, выражая свою гражданскую позицию, прибегал к крайней степени протеста. Но какой для того был повод — вот вопрос.

Хорошо ли, что в тягibu с театром оказались вовлеченными и сами дети, и их родители? И с каким размахом... Устраиваются митинги, пишутся плакаты, здания на улице Воровского осаждают толпы мальчишек и девочек — тех самых, у которых Наталья Сергеевна мечтала видеть лишь счастливые глаза. Где уж тут процветать прекрасному, если столько озлобленности.

...Мы беседуем с Натальей Бондарчук. Уже месяц, как она голодает. Правда, никаких зримых следов измождения на ее лице не нахожу. Привлекательна, миловидна. Живые участливые глаза.

— Ваша голодовка — не символическая?

— Какая «символическая»? Я похудела на десять килограммов. Живу на минеральной воде.

— Вы намерены и дальше отстаивать детскую студию внутри взрослого театра?

— Да, для меня вопрос стоит только так: жизнь или смерть. — Наталья Сергеевна нервно выпивает несколько глотков минералки.

На «жизнь или смерть» возражать трудно — слишком трагическая нота. Но я слышу недоуменные слова одного талантливого режиссера:

— Вместо того, чтобы объявлять голодовку и будоражить общественное мнение, нужно было...поискать спонсора. Чем не выход? В наше-то время...

И впрямь: чем не выход? Один из возможных и в ряду прочих, наверняка существующих.

Е. ДВОРНИКОВ.